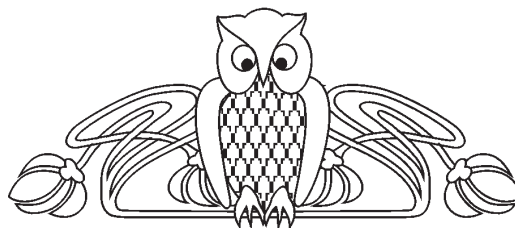

УДК 821.133.1.09+929Перек

Проблема еврейской идентичности в произведениях Жоржа Перека

В. В. Кириченко

Кириченко Владислав Владимирович, аспирант кафедры истории зарубежных литератур, Санкт-Петербургский государственный университет, kirlimfaul@gmail.com

Настоящая работа посвящена анализу еврейской идентичности в творчестве французского писателя Жоржа Перека. Автор приходит к заключению, что данная проблема имеет существенное влияние на поэтику Перека, она представлена в приемах формальных ограничений и «эстетики отсутствия», имеющих целью реконструировать память и прошлое Перека с помощью игры языка.

Ключевые слова: Жорж Перек, идентификация, память, эстетика отсутствия, автобиография, еврейская идентичность, формальное ограничение.

Problem of Jewish Identity in Georges Perec's Works

V. V. Kirichenko

Vladislav V. Kirichenko, <https://orcid.org/0000-0002-9209-0554>, Saint Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia, kirlimfaul@gmail.com

This paper covers the analysis of Jewish identity in the works of the French writer Georges Perec. The author comes to the conclusion that this problem has a significant impact on the poetics of Perec, it is presented in the techniques of formal constraints and the 'aesthetics of absence', the purpose of which is to reconstruct Perec's memory and past by means of language play.

Keywords: Georges Perec, identification, memory, aesthetics of absence, autobiography, Jewish identity, formal constraint.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-91-95>

В литературе этническое происхождение автора является немаловажным аспектом. Часто в творчестве писателей можно встретить эксплицитные или имплицитные указания на их национальные корни, с которыми нередко связана проблематика произведений. Литераторы осознанно или неосознанно оказываются под влиянием не только языка, но и культурных традиций их народа.

Цель настоящего исследования состоит в попытке установить, повлияли ли еврейские корни французского классика Жоржа Перека (1936–1982) на его творчество, и если да, то как. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть ряд более частных моментов, а именно: 1) что Перек понимает под еврейской идентичностью, что он думает о себе как о еврее? 2) как реализуется проблема еврейства в его автобиографической прозе? 3) как еврейство представлено в

его художественных произведениях? Кроме того, в связи с тем, что понятие «'תּוּרָא» («еврейство») подразумевает под собой достаточно широкий спектр явлений (религию, национальность, происхождение, этническую общность, культуру, юридический статус), стоит подчеркнуть, что в рамках настоящей работы актуальными являются все значения, кроме юридического и религиозного. Проблема еврейской идентичности кажется важной по причине автобиографической направленности большинства произведений автора, в рамках которой возникает тема утраченной и/или непознанной культуры, «эстетика отсутствия», остранение детства и собственных воспоминаний.

Жорж Перек является французским писателем и кинорежиссером. Он родился в семье еврейских иммигрантов из Польши Ицека-Юдки Переца (1909–1940) и Цыры Шулевич (1913–1943). Призванный в армию, отец писателя погиб от ранения в 1940 г. Большинство родных погибли в гитлеровских лагерях и во время депортации (мать – в Освенциме)¹, поиск их следов, усилие памяти и невозможность их вернуть стали движущей силой прозы Перека. По линии отца Перек находится в родственной связи с Ицхоком-Лейбушем Перецем, классиком еврейской литературы, однако параллели между произведениями двух писателей не встречаются. Несмотря на многочисленные еврейские знакомства, которые во многом были утрачены после Второй мировой войны, Перек все же поддерживал отношения с некоторыми евреями, в том числе родственниками. Он почти всю жизнь прожил во Франции и лично не познакомился с еврейской культурой, поэтому уже в зрелом периоде своего творчества он интересуется проблемой самоидентификации, хотя в широком смысле проблема самоопределения возникает уже в самом первом написанном, но опубликованном лишь посмертно романе автора «Кондотьер» (2012).

Исследования проблемы еврейской идентичности в творчестве Перека широко представлены лишь во французском литературоведении, причем главным образом в контексте изучения творчества еврейских писателей после событий Холокоста (Леви², Нордхольт³, Деку⁴). Одна из первых работ была написана в 1984 г., когда проходила конференция в Серизи (Франция), посвященная творчеству автора. В рамках этой конференции Марсель Бенабу представил доклад под названием «Перек и еврейство»⁵, в котором

впервые рассматривалась проблема еврейской идентичности Перека и ее влияние на его творчество. Факт этого влияния неопровержим в связи с тем количеством возникающих тут и там переплетений еврейства с другими историко-культурными темами автора. Со времен Бенабу к этой проблеме обращались не раз (Бюржелен⁶, Лежен⁷, Манье⁸, Видал-Наке⁹), но она так и осталась неразрешенной. Важно отметить, что ранний период творчества автора, как и время его литературных экспериментов в УЛИПО, видятся лишь имплицитно связанными с данной проблематикой. Однако произведения 1970-х гг. имеют вполне конкретное отношение к теме еврейских корней Перека: «W, или Воспоминание детства», «Я родился», «Эллис-Айленд» и др.

Если можно было бы условно обозначить начальную точку рассуждений автора о своем еврействе, то стоило бы указать на то, что Перек не еврей, он француз-католик, крещенный в 1943 г. Его искания своего «еврейства» связаны с поиском утраченных следов родителей и родственников, для которых еврейство было повседневной насущностью. Перек остраивает еврейство исходя из необходимости лучшего понимания себя и своего прошлого, он начинает с отсутствия своего еврейства, отсюда, видимо, частично проистекает его специфическая «эстетика отсутствия»¹⁰.

Наиболее полное представление Перека о еврействе можно встретить в его произведении «Эллис-Айленд» (1980), в котором автор пытается реконструировать один случай из истории еврейской иммиграции. Перек постоянно задается недвусмысленными вопросами о том, что значит быть евреем, что такое еврей: «Точно не знаю, что значит вообще / быть евреем, / каково мне быть евреем / это, если угодно, столь очевидно, но очевидность никчемна, она не отсылает меня ни к чему; / это не знак принадлежности, / это не связь с религией, верой, / фольклором, обычаями и языком; / это, должно быть, скорее молчание, отсутствие, вопрос, вопрошание, колебание, беспокойство»¹¹. Из отрывка видно, что этническая принадлежность объясняется Переким через сомнение и непонимание. По его мнению, осознание своей принадлежности зависит от самих колебаний самоопределения, вопрошание становится процессом установления, а беспокойство и неуверенность – лишь единственными возможными константами. Этот взгляд на еврейство схож с авторским принципом автобиографического письма, который основан на невозможности дать четкое определение, сказать полную правду. Кроме того, этот постоянный поиск себя как самоидентификация связан с утратой чего-либо в пользу чего-то иного, нового. В этом контексте можно говорить об «эстетике отсутствия» в творчестве Перека, однако за этим «отсутствием», вероятно, есть тот самый момент присутствия нового, открываемого через письмо: например, изначальное утверждение в романе «W, или Воспо-

минание детства» (1975) того, что у автора нет детских воспоминаний, является попыткой внедрения «отсутствия», начальным отрицанием, вокруг которого выстраивается немалый текст об этих воспоминаниях.

Перек сравнивает свое представление с точкой зрения французского режиссера польско-еврейского происхождения Робера Бобера (род. 1931), для которого «быть евреем значит некогда получить, чтобы в свою очередь передать, всю совокупность обычаев, кухню, танцы, песни, слова, вкусы, привычки / и, самое главное, чувствовать, что разделяешь эти занятия с другими»¹². Таким образом, Бобер понимает этническое наследие сугубо в культурном плане, в отличие от Перека, для которого попытка постепенного самоопределения восходит к «ужасу удивления»: «Уверенность в том, что я был обозначен евреем, / а раз евреем, то, значит, жертвой, / и жизнью своей обязан лишь случаю или изгнанию»¹³.

Перек был не просто знаком с Бобером, он находился с ним в приятельских отношениях, они также сняли совместный фильм «Рассказы об Эллис-Айленде. Истории скитаний и надежд» (1979), повествующий об острове Эллис, который был самым крупным пунктом приема иммигрантов в США (1892–1954). По Переку, этническая принадлежность может определяться опытом повторяемых локальных практик, интегрирующих людей и переходящих из поколения в поколение, сюда же относятся и повседневные церемониалы.

Несколько позже Бобер снял другой документальный фильм «Поднимаясь по улице Вилен» (1992), который посвящен жизни и творчеству Перека. В фильме есть интересное наблюдение или даже спекуляция, которая состоит в том, что для Перека огромную важность имели три буквы «G», «E», «W», что похоже по звучанию на английское «Jew» (еврей). Кинорежиссер связывал значения этих букв-символов с улицей Вилен, на которой Перек жил с рождения до 1942 г., причем, будучи уже взрослым, много раз возвращался на это место, пытаясь вспомнить и записать свое прошлое, описывая саму улицу. В фильме Бобер подчеркивает, что форма улицы напоминала букву идиша «v» (аналог французской «e»). Буква «G» является не только инициалом имени Перека, но и главного героя в творчестве автора – Гаспара Винклера (Gaspard Winckler), который может считаться alter ego Перека. Буква «W» имеет множество значений в романе «W, или Воспоминание детства», одним из которых является метафора острова с тоталитарной государственностью. Р. Бобер приписывал букве значения бесконечности и полиморфности. В этом произведении полиморфность «W» встречается не раз, причем она может трансформироваться и в звезду Давида, и в сочетание «SS», и обретать многие другие символические значения.

В данном контексте любопытно, что «W» – самая чужая буква в этой «троице», во французском языке она используется только в заимствованных словах («wagon», «whisky», «week-end» и т. п.). Причем появляется она естественным образом из германского суперстрата, т. е. древнефранкского языка. Многие дошедшие до современных французов слова этого языка претерпели необычные метаморфозы. Например, древнефранкское «werra» стало французским «guerre» («война»), «wrist» – «guêtre» («гетра») и т. д. Можно видеть, что есть закономерность изменения «W» в «G»¹⁴. «W» имплицитно отражает отношение Перека к самому себе как к чужаку, постороннему. Эта идея о символическом значении букв может показаться немного натянутой, однако в текстах Перека действительно встречается множество примеров подобных метатекстуальных взаимовлияний различных элементов (см. далее об «автобиографической оркестровке»).

Литературовед Максим Деку неслучайно определяет отношение Перека к своим еврейским корням как к чему-то чуждому, лакановскому Другому, с одной стороны, опасному своей инаковостью, с другой – интересному своей особенностью: «Еврейство Перека является еврейством другого, которое первоначально выступает как неизменная и проблематичная лакуна»¹⁵. Возникающая здесь травма, связанная с незнанием и непониманием, имеет антропогенное значение и относится к Переку и его родителям. Подтверждение этому встречается в «Эллис-Айленде»: «В чем-то я чужд чему-то в себе самом; / я в чем-то “иной”, но иной по отношению к “другим”, а не к “своим”: я не говорю на языке, на котором говорили мои родители, не разделяю ни одного из воспоминаний, которые они могли иметь; нечто, принадлежавшее им, делавшее их теми, кем они были, их история, их культура, их надежды, мне не передалось»¹⁶. В данном случае травматический опыт и возникновение Другого (нееврея) вызваны причиной авторского незнания своих родителей (евреев).

Наиболее известным переживанием Перека по поводу «измененной» идентичности является упоминание в романе «W, или Воспоминание детства» о неправильно записанной фамилии. Как видно из настоящего написания фамилии писателя, она должна читаться как /rɛgɛk/ (Регес), в его фамилии отсутствует диакритик (удвоенное «г» как вариант) для верного прочтения на французском, а конец оригинальной фамилии естественно модифицировался: польское /ts/ стало читаться как /k/. Таким образом изменение имени может быть прочитано как акт контингентной (случайно) трансформации идентичности (напомним, фамилия отца и матери Перека все еще была «Перец»)¹⁷. Подобный случай неверного переноса имени был достаточно рядовым для того времени, однако для творчества Пере-

ка даже это оказывается важным: с одной стороны, как проблема из области повседневности, а с другой, как автобиографический вопрос о том, кто я есть. Столь ярко переживаемое в романе изменение имени связывается с обретением другой/чужой идентичности.

Случай трансформации имени оказывается симптоматичным явлением прозы Перека и имеет ряд других вхождений. Например, он пишет о своем отце: «Ицек – это, разумеется, Исаак, а Юдко, несомненно, уменьшительная форма Иегуди. Моего отца вполне могли назвать Андре <...>. На самом деле все называли моего отца Изи (или Изы), один только я не протяжении многих лет думал, что его звали Андре»¹⁸. Этой фразой Перек показывает свою оторванность от еврейского мира в связи с незнанием реального имени отца, этот жест выступает подтверждением для Перека того, что он почти не знал своих родителей, хотя хорошо понимал, почему его отец сменил имя. Более того, образ отца встречается в романе в силуэтах других незнакомцев, фигуры которых переплетаются с буквой «W».

К еврейской теме¹⁹ также относится одно воспоминание из детства Перека. Он описывает его так: «Мне три года. Я сижу в центре комнаты <...>. Я внутри замкнутого семейного круга <...>. Все в восторге от того, что я узнал и указал букву древнееврейского алфавита <...>. Сюжетом, мягкостью, освещением все происходящее, кажется мне, похоже на сцену какой-то, возможно существующей у Рембрандта, а возможно и выдуманной, картины, которая называлась бы “Иисус перед учителями (2)”»²⁰. В этом отрывке возникает (как и позднее в книге «Я родился», 1990²¹) сравнение себя с Иисусом, скорее всего, потому что последний часто изображался ребенком на иконах. Упомянутая автором картина не существует, но в тексте он сам себя поправляет и замечает, что это скорее картина «Принесение во храм». Буква, которую узнал Перек, называется «гимел», и она могла быть инициалом его имени, так как означает звук «g», а также число 3. Некоторые исследователи указывают на особую значимость четырех чисел в этом романе автора: 1) первая пара 11 и 43 (11 февраля 1943 – смерть матери Перека); 2) 7 и 3 (07.03.1936 – дата рождения писателя)²².

В. М. Кислов, основной переводчик произведений Перека, вслед за теоретиком автобиографии Ф. Леженом отмечал особый прием прозы писателя – «автобиографическая оркестровка»²³, под которой Лежен подразумевал такое явление, когда звуки, числа, буквы и слова вступают в неосознанные отношения и переклички. Ярким примером «автобиографической оркестровки» может служить символизм цифр, описанных в предыдущем абзаце. Иной случай можно встретить в начале романа «W, или Воспоминание детства», когда одному персонажу официант предлагает купить брецели к пиву, а впослед-

ствии Перек рассказывает, что его имя связано со словом «брецель». Таким образом, с одной стороны, возникает смысловое сцепление на уровне словесной детали между вымышленной частью произведения и автобиографической, а с другой – разрыв логической ткани текста, поскольку в вымышленном отражается реальное, а в реальном вымышленное, что иногда именуют «автовымыслом»²⁴.

Перек не просто хватается за случайные детали, но, скорее, специально продумывает мельчайшие значения. Взять, к примеру, тот же анализ своего собственного имени. Перек сожалеет о своем незнании и пытается понять истоки своего имени, обращаясь к Библии и языкам: «Моя родовая фамилия – Peretz. Она упоминается в Библии. На иврите это “прореха”, а на русском – “перец”, на венгерском (точнее, в Будапеште) этим словом обозначается то, что мы называем “брецель” (“брецель” – это не что иное, как уменьшительная форма (Beretzele) от Beretz, а Beretz – как Baruk и Varek – выкован из того же корня, что и Peretz; если не на иврите, то на арабском “п” и “б” – одна и та же буква)»²⁵. Однако эта этимологическая рефлексия является не до конца верной, поскольку некоторые элементы номинативной последовательности являются несвязанными друг с другом в действительности, например, «Baruk» и «Varek» не имеют отношения к «Peretz». Несмотря на хорошую образованность Перека, вероятнее всего, он не проверял свои размышления. Такой «лингвистический» анализ может и не быть прочно связан с этническим вопросом, здесь иврит является лишь попутным случаем этимологического рассуждения, одним из звеньев многообразия имени. Тем не менее кажется, что перечисление различных вариантов значения имени является авторским способом приблизиться к лучшему пониманию себя. Важно, что один из встречаемых вариантов означает «дыра» («прореха»), что так ловко совпадает с его «эстетикой отсутствия» – еще одно доказательство «автобиографической оркестровки». Несмотря на то что это вполне возможно заранее продуманный план Перека, в этих отрывках улавливается искренность случайных наблюдений.

Случайными наблюдениями полна книга «Я помню» (1978), написанная по подобию «I remember» Джо Брейнарда, о чем Перек сам говорит в начале произведения. В этом эссе не встречается никаких воспоминаний, каким-либо образом связанных с еврейством. Учитывая, что это произведение представляет собой сборник кратких воспоминаний (их насчитывается 480) в виде заметок в основном не больше двух строк, может показаться, что проблема еврейства была не так актуальна для автора. Тем не менее форма этой книги не совсем подходила для однозначных размышлений Перека, подобие которых можно видеть в «Эллис-Айленде». Задача

«Я помню» состояла в попытке через детали и незначительные события повседневности продемонстрировать интимную и неразборчивую память обычного человека, этой форме явно не соответствовали авторские рассуждения о своем «отсутствующем еврействе». Напротив, «Я помню» ясно показывает обратное: Перек действительно мало сталкивался с еврейством в своей повседневной жизни.

В имплицитном виде еврейская тема раскрывается в романе «Исчезание» (1969). Текст романа является одной крупной липограммой, в которой ни разу не была использована одна из наиболее частых букв французского языка – «е». Как утверждает Е. Е. Дмитриева, «исчезновение буквы “е” для самого автора оказалось судьбоносным: в еврейской традиции эта буква воплощала “принцип жизненного дыхания”». И Перек это не просто знал, но сознательно использовал²⁶. Таким образом, в контексте романа обнаруживается обращение не только к погибшим родственникам посредством устранения пятой буквы французского алфавита (ср.: посвящение «E est absent» («Е отсутствует») созвучно «Eux est absent» («Они отсутствуют»)), но и к еврейской традиции, в рамках которой существовало представление о числовой символике: причем число «5» (номер буквы «е») несколько раз обыгрывается в романе. «Принцип жизненного дыхания» (еврейское «hé»), который устраняется автором из романа, не только отсылает к семейной ситуации и реализует еврейскую тему, но и мотивирует сюжетную организацию произведения – череду загадочных убийств и «исчезаний».

Кроме того, буква «е» возникает в концептуальном значении и в другом произведении автора – «Les Revenentes» (1972). В этой запутанной повести, сюжет которой также посвящен череде похищений и исчезновений, используются слова только с буквой «е». Название содержит в себе два значения: «призраки» и «возвращающиеся». Анализируя данное произведение, Филипп Зард приравнивал травму, связанную с родителями и еврейством, к концепции письма, возникающей в поэтике автора: «Для Перека это [еврейство] больше относится к борьбе с призраками и “Revenentes”, но задача становится тем труднее, чем чаще этот призрак напоминает его мать. Еврейство Перека – это призрачное наследство, заставляющее его создать полностью подконтрольные ему произведения, ошибки и недостатки которых находятся под суверенной опекой “скриптера”»²⁷. Таким образом, можно видеть, что на протяжении творчества автора буква «е» обретает множество значений, аккумулируя которые, Перек создает пространство игры с тем, что невозможно сказать напрямую (*dire indicible*).

В итоге стоит заметить, что еврейская тема и проблема еврейской идентичности раскрываются в художественных, автобиографических и эссеистических сочинениях Жоржа Перека.

Влияние данного феномена на творчество автора кажется вполне существенным и связано с языковыми экспериментами Перека и автобиографическим полем его произведений. В целом, для Перека проблема еврейской идентичности остается не решенной, а его восприятие евреев и себя как одного из них кажется амбивалентным, постоянно склоняющимся то к одной стороне, что он просто француз, то к другой – интерес к своим корням, семье, имени и т. д. Есть также и некоторое сожаление о непонятой, неузнанной культуре, которая является частью самого писателя. Тема еврейства определенно имеет отношение к концепту утраты, который у Перека получает оформление в виде приема устранения или усиления (многочисленного повторения) какой-либо детали – языковой, композиционной и проч. Итоговой кульминацией проблемы еврейской идентичности становится роман «W, или Воспоминание детства». Перека всегда стремился через письмо реконструировать свое прошлое, обрести утраченные воспоминания детства, похищенные травматизмом войны, и принять свою идентичность француза, потерявшего свои польско-еврейские корни.

Примечания

- 1 Подробнее биографию автора см.: *Bellos D. Georges Perec : a Life in Words. L., 1999.*
- 2 См.: *Lévy C. Écritures de l'identité. Les écrivains juifs après la Shoah. Paris, 1998.*
- 3 См.: *Nordholt A. Perec, Modiano, Raczymow. La génération d'après et la mémoire de la Shoah. Amsterdam ; N. Y., 2008.*
- 4 См.: *Decout M. Écrire la judéité. Enquête sur un malaise dans la littérature française. Ceyzérieu, 2015.*
- 5 См.: *Bénabou M. Perec et la judéité // Cahiers Georges Perec. № 1. T. 1. Paris, 1984. P. 15–31.*
- 6 См.: *Burgelin C. Perec et la judéité : une transmission paradoxale // Revue d'histoire de la Shoah. 2002. № 176. P. 176–182.*
- 7 См.: *Lejeune P. La Mémoire et l'Oblique : Georges Perec autobiographe. Paris, 1991.*
- 8 См.: *Magné B. Les sutures dans W ou le souvenir d'enfance // Cahiers Georges Perec. № 2. T. 1. Paris, 1988. P. 173–177.*
- 9 См.: *Vidal-Naquet P. Auschwitz et l'Atlantide. Note sur un récit de Georges Perec // Sigila. 1998. № 2. P. 17–40.*
- 10 См.: *Bénabou M. Perec : De la judéité à l'esthétique du manque. URL: <https://www.ouliipo.net/fr/perec-de-la-judeite-a-lesthetique-du-manque> (дата обращения: 04.11.2019).*
- 11 *Перека Ж. Эллис-Айленд // Перека Ж. W, или Воспоминание детства ; Эллис-Айленд ; Из книги «Я родился». СПб., 2015. С. 308. Здесь и далее при цитировании произведений Перека используется перевод В. М. Кислова, кроме отдельно указанных случаев. В цитатах из этого произведения используется «слэш», чтобы показать переход строки, поскольку в оригинале Перека прибегает к необычной для прозы форме экспрессивного написания, связанной с дроблением строки, почти как в поэзии. Местами данный прием напоминает вид письма записных книжек, черновиков.*
- 12 *Перека Ж. Эллис-Айленд. С. 310.*
- 13 Там же. С. 308.
- 14 См.: *Roche A. W, ou le souvenir d'enfance de Georges Perec. Paris, 1997. P. 219.*
- 15 *Decout M. Georges Perec : la judéité de l'autre // Roman 20–50 : Revue d'étude du roman des XXe et XXIe siècles. 2010. № 49. P. 124.*
- 16 *Перека Ж. Эллис-Айленд. С. 309.*
- 17 См.: *Burgelin C. Les Mal Nommés. Duras, Leiris, Calet, Bove, Perec, Gary et quelques autres. Paris, 2012. P. 292.*
- 18 *Перека Ж. W, или Воспоминание детства // Перека Ж. W, или Воспоминание детства ; Эллис-Айленд ; Из книги «Я родился». С. 56–57.*
- 19 Подробнее см.: *Кириченко В. Еврейская тема в романе Жоржа Перека «W, или Воспоминание детства» // Евреи России, Европы и Ближнего Востока : история, культура и словесность : материалы междунар. науч. конф. 14 апреля 2019 г. / отв. ред. В. Г. Вовина, М. О. Мельцин ; Петербургский ин-т иудаики. СПб., 2019. С. 139–144. (Труды по иудаике. Сер. «История и этнография». Вып. 15).*
- 20 *Перека Ж. W, или Воспоминание детства. С. 25–26.*
- 21 См.: *Perec G. Je suis né. Paris, 1990. P. 100.*
- 22 См.: *Кислов В. Послесловие переводчика // Перека Ж. W, или Воспоминание детства ; Эллис-Айленд ; Из книги «Я родился». С. 376.*
- 23 Там же. С. 377.
- 24 См.: *Beggar A. L'autofiction : Un Nouveau Mode D'Expression Autobiographique // www.revue-analyses.org. Revue de critique et de théorie littéraire. 2014. Vol. 9, № 2. P. 122–137. DOI: <https://doi.org/10.18192/analyses.v9i2.1003>*
- 25 *Перека Ж. W, или Воспоминание детства. С. 57.*
- 26 *Дмитриева Е. Удовольствие от ограничения : загадочный писатель Жорж Перека // НЛЮ. 2010. № 106. С. 223.*
- 27 *Zard P. Fantômes de judaïsme : Spectres juifs chez Georges Perec et Patrick Modiano // Parès : Études et culture juives. 2009. № 45. P. 136.*

Образец для цитирования:

Кириченко В. В. Проблема еврейской идентичности в произведениях Жоржа Перека // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 91–95. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-91-95>

Cite this article as:

Kirichenko V. V. Problem of Jewish Identity in Georges Perec's Works. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 91–95 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-91-95>